

Мимоходомъ.

Въ послѣднее время вошли въ моду передѣлки повѣстей въ драмы.

Передѣлывались Достоевскій, Тургеневъ, Л. Н. Толстой, М. Горькій, при чемъ эти передѣлки носили большею частью ремесленный характеръ.

Передѣлыватель беретъ разныя сцены изъ даннаго романа, разбиваетъ ихъ на дѣйствія и явленія, и сшиваетъ на живую руку, оставляя зіяющія прорѣхи, потому что для заполнения послѣднихъ нужны талантъ и личное вдохновеніе.

Ремесло передѣлывателя оказывается такъ легко, что, напр., какъ сообщалась въ газетахъ, М. Горькому было представлено недавно для одобренія около тридцати подобныхъ передѣлокъ „Оомы Гордѣева“.

Популярная книга собираетъ въ театрѣ цѣлую толпу, какъ бы ни была плохо сдѣлана передѣлка. Публикѣ нравится смотрѣть на знакомые образы на сценѣ, хотя часто передѣлка портитъ то впечатлѣніе, которое получается отъ книги.

Родившись на сценѣ, передѣлка, повидимому, грозитъ теперь проникнуть и въ область романа.

Выходитъ много хорошихъ книгъ въ не-беллетристической формѣ. Отчего бы ихъ не использовать для романа? Стоитъ только выдумать нѣсколько лицъ, вложивъ въ ихъ уста по клочкамъ то, что сказано въ данной книгѣ.

По крайней мѣрѣ, такая исторія случилась съ извѣстной книгой г. Вересаева: „Записки врача“. Ее передѣлалъ во французской литературѣ нѣкій молодой романистъ (изъ молодыхъ да ранній) Люсьенъ Мюльфельдъ, въ романъ подъ заглавіемъ: „L'Assosіée.“

Въ своемъ романѣ Люсьенъ Мюльфельдъ вывелъ доктора-карьериста, создавъ для него канву изъ „Записокъ врача“, при чемъ почти всѣ дѣйствующія лица, оказывается, наизусть знаютъ книгу г. Вересаева, разговаривая цитатами изъ нея—безъ указанія источника, иногда даже жестоко перевирая ихъ, по незнанію медицины.

Возьмемъ изъ *Нов. Вр.*, въ которомъ изображается эта передѣлка со словъ французскаго журнала „Revue Bleue“, одну интересную цитату.

Г. Вересаевъ въ своихъ „Запискахъ врача“ говоритъ:

„Въ другой разъ ко мнѣ приходитъ прачка съ экземой на рукъ, ломовой извозчикъ съ грыжею ткачь, страдающій чахоткой. Я прописываю имъ мази, бандажы, порошки и, неувереннымъ голосомъ, стыдясь комедіи, которую играю говорю имъ, что главные условія ихъ выздоровленія были бы: для прачки—не мочить рукъ, для ломового—не подымать тяжестей, а для ткача—избѣгать мѣсть, гдѣ много пыли“.

Въ романѣ Мюльфельда герой повторяетъ: „Когда я служилъ въ больницѣ, туда являлись иногда прачки, руки которыхъ были покрыты экземой. Профессоръ прописывалъ имъ мазь и прибавлялъ; „самое важное для васъ было бы не мочить рукъ въ водѣ“. Дѣло очевидное, но въдь прачки не работаютъ въ перчаткахъ... Ткачамъ, которыхъ легкіе отказываются служить, смѣлимся ли мы запрещать посвѣщеніе пыльных помѣщеній?“

Такимъ образомъ, Мюльфельдъ прибавляетъ только совѣтъ прачкамъ работать въ перчаткахъ, совѣтъ, который специалистъ едва ли найдетъ рациональнымъ.

Газета указываетъ еще нѣсколько такихъ заимствованій изъ множества другихъ, которыми наполненъ романъ. Произведеніе г. Вересаева переписывается въ немъ цѣлыми страницами, даже искусственно втиснутыми въ дѣйствіе и лишь замедляющими его.

Быть можетъ, Мюльфельдъ открываетъ своимъ романомъ въ беллетристикѣ новую эру—передѣлокъ, которая завершитъ собою то ремесленное отношеніе къ дѣлу, которое все больше распространяется въ современной литературѣ.

На первый разъ, впрочемъ, изобрѣтеніе Мюльфельда не имѣло успѣха; его постигла участь „пролагателя новыхъ путей“. Журналъ „Revue Bleue“ отнесся къ его передѣлкѣ съ величайшимъ негодованіемъ, обрушившись на всю современную ремесленную литературу.

„На обязанности современной критики, пишетъ французскій журналъ—лежитъ капитальная задача. Надо принудить къ отступленію ремесленниковъ литераторовъ, которые поглощаютъ и заполняютъ все. Ихъ суетливая и низменная дѣятельность должна быть обуздана.“

Но когда такихъ передѣлокъ появится множество, они не будутъ рѣзать глазъ, ктосый привыкнетъ къ нимъ, и передѣлка займетъ свое мѣсто въ романѣ, какъ она уже заняла въ драмѣ.

Не станутъ ли даже учить ей въ „школахъ журналистовъ“, или, быть можетъ, понадобится особая школа передѣлывателей?